ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ МОЛОДЁЖИ

«МЕНЯ ОЦЕНЯТ В XXI ВЕКЕ»

Направление: история

Тема: Один день на войне: реконструкция фронтовой повседневности по историческим источникам

Соискатели: Дорошенко Роман Андреевич, Соболев Матвей Олегович

Научный руководитель: Емельянова Анна Эдуардовна

Место выполнения работы: ЛДПК-филиал ГОУ ВО МО ГГТУ

2026

Оглавление

Введение 3
От казармы до блиндажа 5
"В траншеях - вода" 5
"Каска в функции умывальника" 7
"Отдохнуть по-человечески и от обстрела укрыться" 8
"До последних секунд сидели в избах..." 9
"Вся эта музыка надоела" 11
Список использованной литературы 14

Введение

Великая Отечественная война остаётся одним из самых масштабных и трагических событий отечественной истории, память о котором сохраняется не только в официальных хрониках и сводках, но и в личных историях миллионов людей. Традиционный исторический нарратив долгое время концентрировался на крупных операциях, стратегических решениях и статистике потерь, оставляя в тени повседневность рядового участника войны — то, из чего складывался каждый его день: быт, рутина, мелкие заботы и способы справляться с постоянным страхом. Между тем именно в этих деталях раскрывается подлинная цена Победы и формируется глубокое понимание того, как человек адаптировался к экстремальным условиям.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к истории повседневности и микроистории, которые позволяют увидеть прошлое «изнутри», через призму индивидуального опыта. Фронтовая повседневность — это не фон для великих событий, а самостоятельный предмет изучения, где обыденное и героическое неразделимы. В этом контексте особенно ценными становятся источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, в которых зафиксированы не только факты, но и эмоции, привычки, бытовые практики, помогавшие солдатам сохранять человеческое достоинство в нечеловеческих условиях.

Цель исследования — реконструировать повседневную жизнь бойца на фронте в рамках одного «типичного» дня Великой Отечественной войны на основе комплекса исторических источников личного происхождения. Задача состоит в том, чтобы показать войну не как череду сражений и сводок Совинформбюро, а как ежедневное существование человека в экстремальных условиях — с его бытом, страхами, радостями, привычками и способами адаптации.

Конкретные исследовательские задачи:

- выявить и систематизировать источники, содержащие сведения о фронтовой повседневности (письма, дневники, мемуары, фотодокументы, официальные документы снабжения);
- реконструировать структуру распорядка дня бойца на передовой — от несения службы до часов отдыха;
- определить ключевые элементы фронтового быта: питание, жильё, гигиена, обмундирование, связь с тылом, досуг;
- проанализировать психологические стратегии адаптации солдата к условиям войны — от первичного страха к постепенному привыканию;

- воссоздать картину «одного дня» как синтез обыденного и экстраординарного, показав, как бытовые практики переплетались со смертельной опасностью.

Методы научных исследований

Методологическая основа работы опирается на междисциплинарный подход, сочетающий исторические, психологические и социологические методы:

- Источниковедческий анализ — установление авторства, времени и места создания документа, проверка достоверности, выявление информационных возможностей источника. Применяется дифференцированный подход к разным типам источников: фронтовые письма анализируются с учётом цензуры и самоцензуры, мемуары — с поправкой на ретроспективность восприятия.

- Историческая реконструкция — воссоздание картин прошлого на основе фрагментов источников, их сопоставления и логического связывания. Метод предполагает построение целостного описания из разрозненных свидетельств.

От казармы до блиндажа

Учиться оборудовать жилье будущие фронтовики начинали в военных лагерях. Впоследствии на фронте крайне востребованными оказались навыки плотницкого дела, более свойственные выходцам из сельской местности. В воспоминаниях Н.Н. Никулина, начавшего войну рядовым в 1941 г., подчеркивается, что выжить в первые месяцы пребывания на фронте ему удалось в немалой степени потому, что его посылали не на передовую, а на заготовку "десятков кубометров дров" для постройки землянок и блиндажей[1].

На передовой обычным делом были ночевки в окопах ("ровиках", "ямках", "ячейках"). Главным в этом виде временных убежищ была хоть какая-то защищенность от смертельной опасности и непогоды. Сооружались они на скорую руку и соответствовали самым элементарным потребностям. Как выразился артиллерист В. Киселев, "все же не каждая капля дождя попадает на нас, и от осколков мы немного сохранены".

Делая эту запись в дневнике в сентябре 1944 г. на территории Польши, Киселев имел в виду "квадратную ямку штыка на два" глубиной, обтянутую плащ-палатками, где можно было поместиться втроем, правда, "проклиная злую долю солдатскую". Большинство же сослуживцев, как замечал автор дневника, спали в "ровиках", представлявшихся более надежными убежищами[2].

"В траншеях - вода"

В полевых условиях пребывали одновременно огромные массы военнослужащих. Командир минометной роты, старший лейтенант С.И. Страхов, описывал это в письме жене после своей поездки на передовую 14 ноября 1944 г., уже будучи "в комнате, [где] так тепло - замечательно, а на улице творится целое светопреставление - ветер, мокрый снег":

"А можешь себе представить, как сейчас на передовых, позавчера я провел там целые сутки. Темь - в глаз коли, в траншеях - вода, бойцы попеременно и непрерывно работают по выброске грязи и зорко следят за противником. Я знаю, что ты не воображаешь, что такое передовая. Вот я шел ночью, кругом как будто бы безлюдье, а посмотришь повнимательнее - кругом жизнь. Тысячи людей сидят в земле. Вот траншея - это извилистый глубокий ход... Там и тут приютились маленькие земляночки. Входили в одну-другу[ю]. Тут горит свечка, топится маленькая печка. Здесь отдыхают, там сидят, беседуют или что-нибудь читают, пишут письма и т.д. Здесь человек не только борется с врагом, но борется с природой, с непогодой. Это люди, мужество которых трудно переоценить. Это герои"[3].

Лес - пространство, которое военнослужащим приходилось превращать в пригодное для жизни: на одну ночь или на длительный срок. Сезон выбирать не приходилось; самый неблагоприятный для устройства в лесу, конечно, зимний. Командир пулеметной роты, лейтенант В.С. Суханов в дневниковой записи от 6 марта 1943 г. посетовал на болотистую местность Кубани, но спохватился:

"Все-таки до некоторой степени мне посчастливилось - прошло 2 зимы войны, и мне не пришлось быть на фронте в условиях зимы. Правда, сейчас немного прихвачу, но март это еще терпимо, а зимний фронт ужасен, это просто кошмар какой-то"[4].

А вот письмо военного переводчика Виктора Раскина, служившего в Карелии и описавшего конец 1943 г. "Если есть на свете что-нибудь действительно абсурдное, так это жизнь на болоте. Оно очень плохо оборудовано для жилья. Роешь землянку - получаешь колодец. И в нем живут, вычерпав воду ведрами, банками из-под консервов. А главное - нет печки...", - рассказывал Раскин подруге.

Подытожил он свой фронтовой жилищный опыт в марте 1944 г.:

"1 апреля будет два года как я на фронте, т.е. в лесу. Отчасти самотеком, отчасти благодаря самовнушению отучился думать о городе, театре и пр. Внушил себе, что все это находится где-то на другой планете или в четвертом измерении, а для меня существуют только многонакатные блиндажи, из которых по утрам нужно отливать целый океан воды, лес, изрубленный топорами и снарядами, телефон и бесконечные сводки, донесения, приказы. А вот побывал дома (отпуск в Ленинграде. - Авт.) и потерял способность так равнодушно относиться к соблазнам большого города"[5].

Сооружение землянки.

"Каска в функции умывальника"

Землянки и блиндажи сильно различались по комфорту, утепленности и другим параметрам. В ходе войны совершенствовались навыки их постройки и облагораживания. Из опыта старшего лейтенанта В.В. Назаренко, служившего в пехоте, следует, что "упрощенный блиндаж" - это когда "в середине проход, по бокам лежанки, в проходе железная печка". При отсутствии последней в блиндаже мог разводиться костер[6].

Переводчик Виктор Раскин описывал блиндажи в карельских лесах: "Обжитые, с претензией на комфорт; возле каждого блиндажа столик, скамья (это все складные ящики), каска в функции умывальника. От блиндажа к блиндажу идут тропки, траншеи"[7]. Иногда военнослужащие рассказывали собственным детям об этих необычных жилищах либо рисовали их, естественно, адаптируя "фронтовой материал" для восприятия ребенка. Оригинален рассказ рядового А.М. Сидлина о блиндаже, адресованный пятилетней дочке:

"Это такая большая яма в земле и накрыта бревнами. Дом так нарочно делается в земле, чтобы фашисты его не видели. Между бревен имеется большая щель взамен двери - туда мы входим и выходим, окон у нас нет. Но, чтобы было светло, мы делаем еще маленькую щель, а вместо печки мы поставили железную бочку и сделали в ней две дверки. В одну вкладываем дрова, а в другую выходит дым. Вот у нас и тепло. А чтобы было мягко спать, мы настелили на землю много веток. Нравится тебе такой наш дом или нет? Когда пойдешь с мамой в выходной день гулять - попробуй из песочка и палочек сделать такой маленький домик-блиндаж"[8].

Блиндажи и землянки - это прежде всего сырость и темнота. Сырость пытались подсушивать, проводили электричество. Высота потолка в землянках сильно варьировалась. В.П. Песков (в начале войны - младший лейтенант, артиллерист) вспоминал первую в своей фронтовой биографии землянку в Карелии (декабрь 1941 г.) вместимостью "человек на 15, высотою в метр, бойцы ползком попадали в нее", но позже ему встречались землянки, где можно было ходить "в рост"[9].

По свидетельству политрука кавалерийского батальона В. Ге (в 1941-1942 гг. находился под Ленинградом), "есть землянки, главным образом командирские, где сухо, чисто, тепло. Нередко играет патефон, навевая воспоминания мирной жизни. На стенках развешаны фотографии родных, картинки, портреты. А в других землянках клопы, вода проступает через пол, холодно. Однажды, когда я спал в такого рода землянке, я проснулся, чувствуя, что на моей голове сидит крыса. В другом случае я всю ночь провел на воздухе, т.к. была уйма клопов. Они десятками падали на тебя

прямо с потолка". Ге видел землянки бойцов, которые "были весьма различны по благоустройству". Одна из землянок была, например, на 30 человек в два ряда нар. В ней проводились различные мероприятия, в том числе политбеседы[10].

Обед в землянке.

"Отдохнуть по-человечески и от обстрела укрыться"

Осенью 1942 г. военный корреспондент армейской газеты "Ленинский путь" Л.И. Левин по заданию редакции провел исследование того, какова "землянка на переднем крае". Идеальная землянка, где "все было как надо", обнаружилась в одном из подразделений 286-й стрелковой дивизии. Ее "хозяином" был командир расчета, сержант И.П. Симак (в довоенном прошлом - сибирский колхозник), а кров он делил еще с двумя красноармейцами.

"Стены землянки уже забраны досками, дверь с окошком для дневного света, хорошо пригнанная, плотно закрывается; в углу примостилась печка, самодельная, но вполне отвечающая своему назначению. Около нее аккуратно сложена вязанка сухих дров. С наступлением темноты можно будет затопить. Нары покрыты свежими ветками, поверх которых разостлана чистая плащ-палатка. Вдоль стен прибиты полки и на них поблескивают котелки". Самыми важными характеристиками хорошей землянки Симак называл возможность "отдохнуть по-человечески и от обстрела укрыться", а в холодное время - согреться. Последняя проблема решалась хорошо пригнанной дверью, которая бы плотно закрывалась, а вот этим, как раз, многие пренебрегали, и тогда землянка оставалась "ледяным погребом, сколько бы ее не топили"[11].

Неудобством отличались самодельные шалаши, которые использовались в основном летом. По роду своей службы в них нередко ночевали связисты. Летом 1944 г. связистка З. Жорниченко жаловалась в письме матери, что в шалашах неуютно, от сильных дождей они не спасают ("мокнем как куры")[12]. Ей вторила связистка Н.П. Демкина, вспоминая, как после форсирования Немана жили в шалашах; располагались в них по два человека на одной шинели, другой накрываясь как одеялом. Но, в общем, часто спали "как придется, где придется"; однажды легли с подругами-телефонистками вокруг дерева головой к нему, и со смехом ожидали, что придет командир будить на дежурство "крайнего" и запутается его искать, так как "все кучей лежат по кругу"[13].

В палатках жили зачастую по необходимости, например, когда в болотистой местности нельзя было выкопать землянку или построить блиндаж.

Писатель Александр Исбах в шалаше с бойцами Белорусского фронта. Май 1944 г.

"До последних секунд сидели в избах..."

Постой в домах мирного населения - практика размещения красноармейцев, имевшая широкое распространение во время маршей, переходов, нахождения в обороне. Если дома пустовали, то занять их не представляло проблемы. В других случаях существовали варианты: жители проявляли гостеприимство, старались перетерпеть присутствие незваных постояльцев, либо даже отказывали в пристанище. В последнем случае армейское начальство могло проигнорировать отказ.

Во время затяжного перехода на исходе 1941 г. рядовому Леониду Андрееву и его товарищам довелось побывать на ночном постое во множестве крестьянских домов, что отпечаталось в памяти:

"Каждую ночь мы останавливались ночевать в деревнях, и каждую ночь - другие избы, другие люди и одинаковые слова, похожие, как слезы оплакивающих одно и то же. Сотни крестьянских лиц прошли в те дни передо мною... Некоторые были скупы, жадны, другие добры, жалостливы; одни грели и кормили, другие косились, ворчали, и тогда после сна на грязном, холодном полу - голодная дорога дня. Нас почти не снабжали, и мы ели только то, чего не жалела мужицкая доброта... Я не помню лиц, - но я и сейчас ощущаю тепло, которое исходит от этих неведомых, далеких, чужих людей... Нас поднимали холодными утрами, часа в 2-3, до последних секунд мы сидели в избах еще несколько теплых мгновений, - пока нас, дремлющих на ходу, не выгоняли на мороз"[14].

В малых деревнях было невозможно нормально разместиться. Например, по пути следования лыжного батальона Леонида Андреева к линии фронта зимой 1942 г. батальону пришлось размещаться в деревне из трех домов. "В комнате, в которую попал я, набилось столько, что все стояли, тесно прижавшись друг к другу... Стали засыпать, сползать вниз. Заснул и я. Проснулся, потому что кто-то шел по мне - я очутился на полу, на ком-то, кто-то лежал на мне, - кто-то пробирался куда-то, ступая по телам". До боя за полуразрушенную деревню Черную под Старой Руссой были считаные дни. После него от батальона осталось 18 человек[15].

Порой занимали уже готовое жилье вслед за противником. "Они их строят из досок, ломают дома [для этого], внутри нары, стулья, столы и даже мягкие диваны, - рассказывал в письме домой в декабре 1943 г. пехотинец, старший лейтенант А.В. Назаренко. - Есть блиндажи в 2-3 комнаты. Стены, потолок и пол выложены досками. Внутри железные печки, обычно цилиндрические, но много и квадратных"[16]. Артиллерист В. Киселев записал в дневнике, будучи в Польше в 1944 г.: "Я живу в немецком блиндаже. У потолка мы обнаружили какой-то красный провод, осторожно подоткнули его и не уверены до сих пор - заминирован этот блиндаж или нет"[17].

"Пусть солдаты немного поспят..." Кенигсберг. 1945 г.

"Вся эта музыка надоела"

В повседневности красноармейцев с калейдоскопической быстротой могли меняться как места пребывания (город, деревня, лес), так и, соответственно, жилищные условия. Об этом наглядно свидетельствуют источники, относящиеся к 1944-1945 гг., когда советские военнослужащие оказались за рубежами своей страны. "Сейчас мы ведем борьбу в городе, поэтому подчас размещаемся в шикарных квартирах с зеркалами, комодами, креслами и роялями. А иногда живешь месяц-другой в щели, вырытой в земле, и все это считается в порядке вещей", - описывал такого рода нестабильность в письме родным старший лейтенант С.И. Страхов[18]. Быт как "у цыган, даже хуже", по словам разведчика Владимира Цоглина, на германской земле все чаще сменялся ночевками в нормальном жилье на "кроватях с перинами", "в шикарно обставленных комнатах"[19].

На исходе Великой Отечественной войны и сразу после ее окончания, в нетерпеливом ожидании демобилизации, тысячи советских военнослужащих скорее тяготились жизнью в комфортных и даже роскошных немецких домах и квартирах. Документальных подтверждений таких настроений немало. Одно из них принадлежит фронтовому шоферу Надежде Батиной, расписавшей родным в письме от 7 марта 1945 г. "сказочное" существование в Германии, но закончившей его так: "Только тяга большая домой, несмотря на все эти условия. Вся эта музыка надоела"[20].

Проведённое исследование позволило выйти за рамки традиционного представления о войне как о череде крупных сражений и стратегических решений и увидеть её через призму личного опыта рядового бойца. Реконструкция «одного дня на войне» стала способом показать, что подлинная история фронта складывалась не только из приказов и сводок, но и из тысяч маленьких, будничных действий — от утреннего подъёма и приёма скудной пищи до починки снаряжения, написания письма домой и коротких минут отдыха между боями.

В ходе работы была сформирована репрезентативная источниковая база, включающая письма с фронта, дневниковые записи, мемуары, фотодокументы и официальные материалы снабжения. Применение комплекса методов — источниковедческого анализа, контент-анализа, исторической реконструкции и микроисторического подхода — позволило не просто собрать разрозненные свидетельства, но и выстроить из них целостную картину фронтового дня. При этом особое внимание уделялось критической оценке источников: учитывались ограничения цензуры в письмах, ретроспективность мемуаров, а также субъективность восприятия событий.

Реконструированный день бойца продемонстрировал парадоксальное сочетание обыденного и экстремального. С одной стороны, в распорядке чётко прослеживались рутинные практики: несение службы, обустройство укрытия, поддержание гигиены, приём пищи, уход за оружием. С другой — каждое из этих действий происходило в условиях постоянной угрозы жизни: обстрелов, внезапных атак, нехватки ресурсов, сурового климата. Именно это переплетение рутины и опасности формировало специфику фронтовой повседневности.

Ключевым элементом психологической адаптации солдата оказалась связь с тылом. Письма-«треугольники» выполняли не только коммуникативную, но и важнейшую психотерапевтическую функцию: они позволяли на короткое время мысленно вернуться в мирную жизнь, сохранить ощущение собственной идентичности и человеческого достоинства. Не менее значимыми были и формы коллективного досуга — выступления фронтовых бригад, песни под гармонь, чтение вслух, выпуск боевых листков. Эти практики помогали поддерживать моральный дух и чувство общности в подразделении.

Анализ бытовых аспектов — питания, жилья, обмундирования, санитарно-гигиенических условий — показал, что выживание на фронте во многом зависело от способности солдат приспосабливаться к тяжёлым условиям. Самодельные приспособления, взаимопомощь, распределение ресурсов и даже маленькие ритуалы становились механизмами коллективной устойчивости.

Поставленные в начале работы задачи были решены в полном объёме: источники систематизированы и критически оценены, структура фронтового дня реконструирована, ключевые элементы быта и психологические стратегии адаптации выявлены и проанализированы. Цель исследования — воссоздать целостную картину «одного дня на войне» — достигнута.

Практическая значимость работы подтверждается её применимостью в различных сферах. В образовательном контексте материалы исследования позволяют наполнить уроки истории живыми деталями, показать войну глазами её участников и тем самым углубить понимание учащимися цены Победы. Для музейной и выставочной деятельности результаты дают научную основу для создания экспозиций, посвящённых фронтовому быту. В сфере военно-исторической реконструкции выводы исследования могут служить ориентиром для достоверного воссоздания материальной культуры и повседневных практик красноармейцев. Кроме того, предложенный алгоритм работы с источниками личного происхождения может быть использован в дальнейших научных и проектных работах, связанных с изучением военной повседневности.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении географического и хронологического охвата: сравнении фронтового быта в разные периоды войны (1941 год и 1944–1945 годы), на разных участках фронта (например, в условиях позиционной войны и во время наступательных операций), а также в изучении специфики повседневности в различных родах войск (пехота, артиллерия, танковые части). Дополнительным направлением может стать анализ гендерного аспекта фронтовой жизни — на примере женщин-фронтовичек, чьи повседневные практики имели свою специфику.

Таким образом, реконструкция фронтовой повседневности не только обогащает наше знание о войне, но и помогает сохранить память о человеке на войне — о его страхах и надеждах, слабостях и стойкости, о тех маленьких действиях, из которых складывалась большая Победа.

Список использованной литературы

1. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 18.

2. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. - 1953 г. М., 2005. Т. 3. С. 1019.

3. "Я пока жив..." (Фронтовые письма 1941-1945 гг.). Нижний-Новгород, 2010. С. 228-229.

4. Это и моя война: Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах. Сб. док. Краснодар, 2016. С. 278.

5. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 68, 85.

6. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 501. Л. 145.

7. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 37.

8. "Сохрани мои письма...": Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. Вып. 1. С. 204.

9. РГАЛИ. Ф. 2594. Оп. 1. Д. 555. Л. 13.

10. Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 283, 250-251.

11. РГАЛИ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 55. Л. 45-46.

12. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 281. Л. 8.

13. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 129-130, 131.

14. Андреев Л. Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005. С. 85, 86, 87.

15. Там же. С. 137, 270.

16. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 501. Л. 145.

17. Общество и власть. С. 1023.

18. "Я пока жив..." С. 226.

19. Архив НПЦ "Холокост". Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 13, 30.

20. Письма из войны. Саранск, 2010. С. 58.